

Ежемесячный журнал. № 8 (114) август 2023
ISSN 2500-2643

Вестник экономического правосудия Российской Федерации

С.Л. Будылин
Эмодзи, семиотика и право

С.И. Соболев
Стимулирующее вознаграждение
арбитражного управляющего
при добровольном погашении
требований кредиторов

Д.В. Борейшо
Защита видимости права
при уступке права требования
(часть 2)

А.А. Мехонцева
Интеграционная оговорка
(часть 1)

Содержание/Contents

Комментарии

- 4 Е.А. Останина
Защита нерожденного и новорожденного в деле о банкротстве
Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
от 8 июня 2023 года № 305-ЭС23-1000

Дайджест

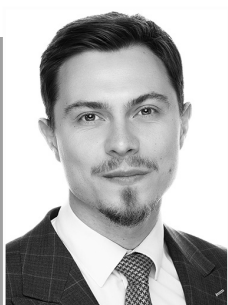
- 18 Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации
по вопросам частного права за июнь 2023 года

Зарубежная практика

- 49 А.Н. Гуна
Арендная плата в пандемию
Перевод решения Федерального суда Германии от 12 января 2022 года XII ZR 8/21
и комментариев к нему

Свободная трибуна

- 68 С.Л. Будылин
«Большой палец вверх» — акцепт или оскорбление?
Эмодзи, семиотика и право
- 98 Е.С. Терди, М.В. Асеев
Институт запросов во французском гражданском праве:
перспективы рецепции российским правом
- 115 С.И. Соболев
Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего
при добровольном погашении требований кредиторов:
кристаллизация проблем и поиск их решения
- 142 Д.В. Борейшо
Защита видимости права при уступке права требования
(часть 2)
- 178 А.А. Мехонцева
Интеграционная оговорка: сравнительно-правовое исследование
(часть 1)

Станислав Игоревич Соболев

адвокат, КА «Регионсервис»,
магистр частного права (РШЧП)

Стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего при добровольном погашении требований кредиторов: кристаллизация проблем и поиск их решения

DOI 10.37239/2500-2643-2023-18-8-115-141

Законом о банкротстве предусмотрено два случая, в которых арбитражному управляющему подлежит выплата стимулирующее вознаграждение. В одном из них вознаграждение устанавливается за фактическое погашение требований кредиторов и зависит от процента удовлетворенных требований. В другом вознаграждение выплачивается в случае погашения требований кредиторов за счет фактического исполнения судебного акта о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Одним из подвидов второго случая установления вознаграждения является ситуация, когда после подачи заявления о привлечении контролирующих лиц к ответственности требования кредиторов были удовлетворены добровольно.

Рассмотрению последней узкой ситуации и посвящена настоящая статья. По итогам исследования мы пришли к выводу, что хотя введение данного института стоит всячески приветствовать, тем не менее остаются проблемы, требующие разъяснения Верховным Судом. Изучение условий для установления вознаграждения позволяет заключить, что в случае погашения требований кредиторов после подачи заявления о привлечении

контролирующих должника лиц к ответственности должно презюмироваться, что это произошло именно из-за поданного заявления. Мы также предположили, что стимулирующее вознаграждение должно устанавливаться не только в случае подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, но и при заявлении иных требований, рассмотрение которых может повлечь негативный эффект для контролирующих лиц. Отдельный блок посвящен критике подхода судов, которые снижают арбитражным управляющим стимулирующее вознаграждение.

Ключевые слова: прекращение производства в банкротстве, стимулирующее вознаграждение

Введение

Не секрет, что ключевая роль в делах о банкротстве отводится арбитражному управляющему, который в зависимости от введенной процедуры должен либо способствовать восстановлению платежеспособности должника, либо наиболее эффективно продать имущество должника и рассчитаться с кредиторами¹.

Естественно поэтому, что арбитражному управляющему полагается вознаграждение за осуществляемую им работу. В России вознаграждение арбитражного управляющего состоит из фиксированной части, выплачиваемой по умолчанию в зависимости от срока осуществления полномочий, и стимулирующего вознаграждения, выплачиваемого и исчисляемого в зависимости от размера погашенных требований кредиторов.

Существование фиксированного вознаграждения можно объяснить тем, что «предметом обязательства управляющего является именно приложение усилий для достижения результата (погашение требований кредиторов)»². То есть даже если арбитражному управляющему не удалось рассчитаться с кредиторами, это не значит, что ему не полагается вознаграждение.

В то же время система вознаграждения арбитражного управляющего, сложившаяся в отечественном правовом порядке, часто критикуется³. Возможно, поэтому «мегапроект» по изменению Закона о банкротстве⁴ предусматривает поправки и в части вознаграждения⁵.

¹ В литературе его называют ключевой фигурой банкротства, см.: *Шафранов А.* Правовой статус арбитражного управляющего // *Цивилистика.* 2020. № 5. С. 24.

² *Лысенко А.* Вознаграждение арбитражного управляющего: практика применения специальных разъяснений ВАС // *Журнал РШЧП.* 2020. Вып. 3. С. 194–195.

³ Как пишет один из авторов, «очевидной проблемой является тот факт, что размер вознаграждения, установленный законом, не меняется уже 12 лет, а возможность индексации суммы на размер инфляции просто не предусмотрена» (*Чухалдин К.* Вознаграждение арбитражного управляющего: увеличить или зафиксировать? // *Цивилистика.* 2020. № 5. С. 94).

⁴ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁵ См. текст законопроекта № 1172553-7: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7>.

Сравнивая отечественный опыт с зарубежными правовыми порядками, можно привести пример, каким образом рассчитывается вознаграждение арбитражного управляющего в случаях, когда процедура банкротства проводится по главе 7 Кодекса о банкротстве в США. Так, в отчете Центра международных сравнительно-правовых исследований указывается, что «по делам с активами размер комиссии, которую получит управляющий, основан на установленной законом скользящей шкале и определяется следующим образом:

- 25% от первых выплаченных 5000 долларов;
- 10% от следующих 45 000 долларов;
- 5% от следующих 950 000 долларов;
- 3% от суммы, превышающей 1 000 000 долларов»⁶.

В России наблюдается проблема фактического исполнения решений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. До реформирования соответствующей главы в законе отсутствовало какое-либо правило о порядке исполнения такого решения, в связи с чем он определялся самим арбитражным управляющим. В итоге, как правило, требования о взыскании с контролирующих лиц реализовывались с торгов, где и покупались *de facto* самими контролирующими лицами с большим дисконтом.

Как пишет Д.В. Добрачев, «для защиты кредиторов от противодействия со стороны арбитражного управляющего в процессе привлечения к субсидиарной ответственности или от реализации за бесценнок исполнительного листа о привлечении к такой ответственности закон предусматривает значительное увеличение размера стимулирующей части вознаграждения арбитражного управляющего...»⁷.

По действующей редакции Закона о банкротстве каждый кредитор сам вправе выбрать, как ему распорядиться требованием к контролирующему лицу:

- довериться арбитражному управляющему, который должен принять меры по фактическому получению денежных средств с контролирующих лиц;
- проголосовать за продажу задолженности с торгов;
- «забрать» себе часть требований к контролирующему лицу, соответствующую размеру требования кредитора в реестре.

Одновременно с этим был реформирован и институт вознаграждения арбитражных управляющих. В соответствии с п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве в случае фактического исполнения решения суда о привлечении контролирующих лиц к ответственности арбитражный управляющий имеет право на вознаграждение в размере 30% от величины погашенных требований, что более чем в четыре раза выше максимального размера стимулирующего вознаграждения, долго существовавшего

⁶ См.: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/ЦМСПИ_Назначение-арбитражных-управляющих-в-России-и-иностранных-юрисдикциях_1649172505.pdf. С. 102.

⁷ Добрачев Д.В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. М., 2019 (цит. по: СПС «КонсультантПлюс»).

в Законе о банкротстве и устанавливавшегося за погашение требований кредиторов за счет любых действий управляющего без их дифференцирования. Возможно, такое кратное увеличение размера вознаграждения по новой редакции ст. 20.6 обуславливает нежелание судов взыскивать вознаграждение в максимальном размере, что является одной из проблем, которая будет обсуждаться в настоящей статье.

Случаи выплаты повышенного вознаграждения в соответствии с п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве покрываются и ситуацией, когда после подачи заявления о привлечении контролирующих лиц к ответственности было произведено полное погашение требований кредиторов, если оно было вызвано действиями арбитражного управляющего.

На первый взгляд кажется, что законодателем была выстроена стройная система выплаты вознаграждения. Вместе с тем при более глубоком погружении в тему оказывается, что большое количество вопросов осталось не урегулировано законом или расходится с целями законодателя, реформировавшего институт вознаграждения арбитражных управляющих.

Например, как это часто случается с Законом о банкротстве, в практике возник вопрос о временных пределах действия указанной нормы. В подавляющем большинстве случаев суды отказывают в установлении вознаграждения, если арбитражный управляющий был утвержден до вступления в силу закона, утвердившего новый порядок исчисления вознаграждения (значительная часть положений вступила в силу 30 июля 2017 года)⁸.

При этом суды ссылаются на п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 года № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве», разъясняющий момент, с которого начинает и прекращает начисляться фиксированное вознаграждение арбитражного управляющего.

Распространение такого подхода на стимулирующее вознаграждение не является бесспорным, если учитывать цели введения новых норм о размере этого вознаграждения. Согласно п. 6 плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)», утвержденного распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2014 года № 1385-р, одним из мероприятий являлось «совершенствование механизма привлечения к ответственности контролирующих должника лиц»⁹.

Из этого можно заключить, что целью утверждения нового порядка исчисления вознаграждения арбитражных управляющих было стимулирование последних к совершению действий по реальному исполнению судебного акта о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. И.Ю. Рыков справедливо

⁸ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 11.11.2020 по делу № А33-1677/2013, от 21.01.2020 по делу № А33-20451/2012, от 25.11.2019 по делу № А33-1910/2016; АС Дальневосточного округа от 08.04.2019 по делу № А37-175/2013; АС Западно-Сибирского округа от 19.02.2021 по делу № А03-20800/2016, от 30.09.2020 по делу № А45-8151/2015.

⁹ Данный акт упоминается в пояснительной записке к законопроекту, внесшему изменения в Закон о банкротстве в части регулирования вознаграждения арбитражного управляющего.

во пишет, что в таких случаях «арбитражный управляющий заинтересован в том, чтобы подать заявление, поскольку размер его вознаграждения зависит от суммы взыскания по «субсидиарке»¹⁰.

Учитывая эту цель, суды вполне могли бы применять новый размер вознаграждения в тех ситуациях, когда заявление о привлечении к субсидиарной ответственности было подано после вступления в силу нового закона, поскольку арбитражный управляющий, зная о распространении на него новых положений, работал бы более прилежно.

Например, такой подход (в зависимости от даты подачи заявления) был занят законодателем при определении временных пределов действия процессуальных норм¹¹ о привлечении к субсидиарной ответственности, но, к сожалению, в части размера вознаграждения положения закона о порядке применения новых норм ничего не говорят.

Может сложиться следующая странная ситуация. Нормы о порядке распоряжения требованием о привлечении лиц к субсидиарной ответственности, квалифицируемые как процессуальные, будут применяться в зависимости от даты подачи заявления о привлечении к ответственности¹². То есть если такое заявление было подано после 30 июля 2017 года, то кредиторы, проведя голосование, могут обязать арбитражного управляющего добиваться исполнения вынесенного судебного акта о привлечении контролирующих лиц к ответственности. При этом, с точки зрения судов, арбитражный управляющий в такой ситуации будет не вправе претендовать на повышенное вознаграждение.

Представляется, что два этих подхода противоречат друг другу. Тем не менее, по-видимому, озвученная проблема уже не столь актуальна с учетом того, что с момента вступления в силу новых норм прошло более пяти лет. Однако она является частным примером недоработки законодателя в этой сфере. Рассмотрение иных проблем, возникающих при установлении стимулирующего вознаграждения, мы полагаем необходимым осуществить отдельными блоками.

Удивительно, но почти за пять лет действия новых норм публикации по данной тематике практически отсутствуют. А если этот вопрос и разбирается, то, как правило, лишь косвенным образом. Так, наиболее часто он упоминается в контексте ответственности контролирующих лиц¹³. В качестве исключения можно привести

¹⁰ Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. 2-е изд. [Электронное издание]. М., 2019 (цит. по: СПС «КонсультантПлюс»).

¹¹ В данном случае следует оговориться, что процессуальные нормы практически всегда применяются в редакции на дату совершения соответствующего процессуального действия. В этом смысле процессуальная норма в принципе не может обладать свойством обратной силы.

¹² См.: п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 07.04.2021.

¹³ См., напр.: Улезко А. Банкротство. Ответственность контролирующих лиц // ЭЖ-Юрист. 2017. № 36. С. 5; Шиткина И. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 41–61; Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60.

работу С.Х.-оглы Абдурахманова¹⁴. Однако проблемы, поднятые нами в этой публикации, там не обсуждаются.

Здесь также уместно отметить, что вопрос об обоснованности взыскания вознаграждения может возникнуть не только в случае применения института погашения требования кредиторов, но и, например, в ситуации, когда кредитор отказывается от своих требований. С экономической точки зрения фактическое погашение требований кредиторов с использованием специального механизма тождественно отказу кредитора от своих требований, когда они погашены кулуарно. Тем не менее можно встретить судебные акты, где суды в подобных обстоятельствах отказывают в установлении вознаграждения¹⁵. Строго говоря, было бы неправильным упрекать суды, которые отказывают в вознаграждении, поскольку закон эту ситуацию никак не разрешает, а причину погашения требований в таком случае установить еще сложнее.

Вместе с тем контролирующие должника лица, воспользовавшись буквальным толкованием Закона о банкротстве, будут стремиться урегулировать спор с кредиторами в ином порядке, например путем фактического погашения их требований без использования специального механизма, предусмотренного Законом о банкротстве, и тем самым избежать выплаты вознаграждения.

Условия взыскания вознаграждения и поиск причинно-следственной связи

Абзацем 4 п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве предусмотрено следующее правило: «...если после подачи арбитражным управляющим заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующее должника лицо или иное лицо удовлетворило требования кредитора (кредиторов) или предоставило должнику денежные средства, достаточные для удовлетворения требований кредитора (кредиторов) в соответствии с реестром требований кредиторов в порядке и на условиях, которые предусмотрены статьями 71.1, 85.1, 112.1, 113, 125, 129.1 настоящего Федерального закона, либо если после использования кредитором права, предусмотренного подпунктом 3 пункта 2 статьи 61.17 настоящего Федерального закона, данный кредитор получит денежные средства от исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности, арбитражный управляющий имеет право на выплату суммы процентов, определяемой в соответствии с настоящим пунктом, если докажет, что такое удовлетворение требований кредитора (кредиторов) вызвано подачей указанного заявления арбитражным управляющим».

Эти положения позволяют определить следующий перечень юридических фактов, необходимых для взыскания вознаграждения:

¹⁴ См.: *Абдурахманов С.Х.-оглы*. Вознаграждение арбитражного управляющего при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 8. С. 66–76.

¹⁵ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 08.09.2022 по делу № А73-10780/2019.

- арбитражный управляющий подал заявление о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности;
- после подачи заявления контролирующее или иное лицо погасило требования кредиторов;
- погашение требований кредиторов было обусловлено заявлением, поданным арбитражным управляющим.

Каждый из этих фактов вызывает вопросы, начать рассмотрение которых мы предлагаем с исследования наличия причинно-следственной связи и определения лица, на которого возлагается бремя его доказывания.

Буквальная формулировка закона («если арбитражный управляющий докажет») позволяет усомниться в существовании случаев, когда вознаграждение будет устанавливаться, поскольку доказать психическое отношение лица к действиям по погашению требований кредиторов невозможно, если, конечно, само лицо в этом не признается, что по понятным причинам мы оцениваем как маловероятную ситуацию.

Такой подход приводит к типичным в судебной практике выводам о том, что «...само по себе заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц не образует оснований для получения стимулирующей части вознаграждения...»¹⁶.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что в тех случаях, когда суды усматривают наличие основания для взыскания вознаграждения, они ссылаются только на факт поступления заявления о погашении требований после заявления о привлечении к ответственности. В то же время такие рассуждения противоречат закону, который обязывает установить не просто хронологическую последовательность действий, но и причинно-следственную связь между ними. Однако не следует критиковать суды, поскольку, повторим, обнаружить такую причинно-следственную связь невозможно. В то же время данная ситуация, на наш взгляд, явным образом показывает некорректность подхода законодателя в распределении бремени доказывания.

Общий срез судебной практики по п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве показывает, что количество случаев, когда арбитражный управляющий просит установить вознаграждение при фактическом погашении требований кредиторов до рассмотрения спора о субсидиарной ответственности, гораздо больше. Это косвенно свидетельствует о том, что нормы о стимулирующем вознаграждении имеют эффект, заложенный законодателем: контролирующие лица, зная, что при удовлетворении иска о привлечении к ответственности и его фактическом исполнении им дополнительно будет начислено вознаграждение управляющего, гасят требования кредиторов заранее, стараясь избежать выплаты вознаграждения, механизм взыскания которого для этого случая законодателем не до конца проработан.

¹⁶ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 19.07.2022 по делу № А78-13284/2017. См. также: постановление АС Московского округа от 28.07.2022 по делу № А41-94944/2019, от 18.05.2022 по делу № А40-185916/2018.

Удовлетворяя требования по определенным делам, суды, скорее, действуют интуитивно. При этом можно наблюдать такую тенденцию: если требование погашается контролирующим лицом, то высока вероятность, что вознаграждение будет установлено.

С точки зрения закона именно на арбитражного управляющего ложится бремя доказывания того, что погашение требований кредиторов было обусловлено подачей заявления о привлечении контролирующих лиц к ответственности. Как отмечается в литературе, «от того, на кого суд возложит обязанность доказывать те или иные обстоятельства, при прочих равных фактически зависит и результат рассмотрения дела»¹⁷, что в делах об установлении вознаграждения приводит к отказу в его взыскании.

Следует задаться вопросом: насколько такой подход является верным и справедливым? В системе общего права существуют различные стандарты доказывания, в зависимости от применения которых бремя доказывания определенного факта возлагается на ту или иную сторону, и в целом результат рассмотрения дела определяется тем, насколько убедительны были доводы одной из сторон, преломленные через один из стандартов доказывания. Так, стандарт «баланс вероятностей» выражается «в субъективной уверенности в истинности доказываемого факта на уровне более 50%»¹⁸. Все стандарты доказывания можно распределить по следующей шкале, которая отражает модальность существования определенного факта:

1. Строгий стандарт доказывания как «вне разумных сомнений» (абсолютно очевидно).
2. Повышенный стандарт доказывания как «ясные и убедительные доказательства» (очевидно).
3. Средний стандарт доказывания как «баланс вероятностей» (подтверждено).
4. Пониженный стандарт доказывания как «разумные подозрения» (вероятно)¹⁹.

Попробуем разобраться, какой стандарт доказывания обоснованно использовать в рассматриваемом нами случае. Волевой момент для наступления определенных правовых последствий исследуется в банкротстве не только применительно к установлению стимулирующего вознаграждения. В качестве примера можно привести нормы об оспаривании сделок на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Для успешного оспаривания сделки по данному основанию, помимо прочего, необходимо установить, что сделка была совершена с намерением причинить вред креди-

¹⁷ *Аллахвердиев И.* Бремя доказывания отрицательных фактов по кондикционным искам конкурсных управляющих // *Гражданское право*. 2022. № 2. С. 215.

¹⁸ *Звягина Н.С.* Проблемы институционализации стандарта доказывания в отечественном гражданском процессе // *Гражданское право*. 2022. № 9. С. 3–8.

¹⁹ Там же. По данной теме см. также: *Карпетов А.Г., Косарев А.С.* Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // *Вестник экономического правосудия РФ*. 2019. № 5. Спецвыпуск. С. 3–96.

торам и что об этом намерении знала другая сторона сделки. То есть нужно доказать два обстоятельства, которые зависят исключительно от воли сторон сделки и целиком находятся в их сознании.

Предвосхищая потенциальную безуспешность доказывания этих фактов, законодатель ввел различные презумпции, при соблюдении условий которых считается, пока не доказано обратное, что сделка была совершена с намерением причинить вред и что о таком намерении знала другая сторона сделки. Например, эти презумпции начинают работать, если сделка была совершена в период неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, а другая сторона сделки является заинтересованным лицом²⁰.

Применение таких презумпций основано на оценке типичного поведения участников оборота в определенной ситуации. Если должник находится в состоянии объективного банкротства, а сделка совершается, скажем, в пользу директора, то, вероятнее всего, намерением ее совершения было причинить вред кредиторам. Иначе говоря, совершение сделки в подобных обстоятельствах скорее свидетельствует о ее фраздоторности, чем наоборот. Здесь мы можем наблюдать применение стандарта «ясные и убедительные доказательства», которые должны привести стороны сделки, чтобы отстоять ее законность, когда такая сделка уже обладает косвенными признаками недействительности.

По-видимому, из таких же соображений исходят и арбитражные управляющие, которые, говоря об установлении стимулирующего вознаграждения, утверждают, что «судебная практика исходит из презумпции наличия причинной связи между намерением третьего лица погасить реестр и фактом привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц»²¹. Впрочем, суды с таким подходом не соглашались, указывая, что подобная презумпция законом не предусмотрена²².

В то же время стоит поприветствовать обратную практику судов: «...презюмируется, что если заявление о намерении подано в суд после возникновения в рамках дела о банкротстве обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, то это обстоятельство трактуется как свидетельство обусловленности намерения погасить требования кредиторов подачей арбитражным управляющим заявления и привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, указанное также подтверждается выводами судов»²³.

Другая функция презумпций — это облегчить обязанность по доказыванию для стороны, которой это сделать затруднительно, и, наоборот, возложить бремя доказывания на лицо, которому подтвердить или опровергнуть определенный факт не составляет труда.

²⁰ Про иные последствия аффилированности в банкротстве см.: *Егоров А.В.* Влияние аффилированности на банкротство // *Гражданское право. 2021. № 2. С. 20–67.*

²¹ Постановление АС Волго-Вятского округа от 05.07.2022 по делу № А29-7499/2019.

²² Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.02.2022 по делу № А46-13385/2016.

²³ Постановление АС Московского округа от 22.02.2022 по делу № А40-221079/2017.

Попробуем перенести эти рассуждения на исследуемую нами проблему.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что в России долги возвращать не принято до тех пор, пока их невозвращение не становится основанием для ответственности лица, обладающего имуществом, т.е. есть все основания полагать, что вынесенный судебный акт будет реально исполнен. Об этом, в частности, говорит то, что за все время существования Закона о банкротстве прекращение дела о банкротстве в связи с полным погашением требований упоминается в актах окружных судов всего 784 раза²⁴, притом что, например, в 2021 году, согласно статистическому бюллетеню Федресурса, было возбуждено 10 319 корпоративных процедур банкротства²⁵ (за 2021 год прекращение дела по этому основанию упоминается 76 раз).

Строго говоря, Закон о банкротстве и не возлагает на должника священное обязательство погасить задолженность перед кредиторами, а списание долгов является правомерным результатом процедуры банкротства. Более того, в делах о банкротстве граждан списание долгов является одной из целей проведения процедуры в принципе.

При таких обстоятельствах вполне разумно предположить, что полное погашение требований кредиторов в деле о банкротстве вызвано какой-то более серьезной причиной, чем альтруистические намерения его контролирующих лиц. Какие это могут быть причины?

Например, бизнес должника является относительно успешным и, хотя и имеет временные финансовые трудности, обладает потенциалом на получение прибыли. Поэтому контролирующие должника лица вполне разумно могут принять решение погасить требования кредиторов, взять бизнес обратно в свои руки и продолжать деятельность должника для извлечения прибыли²⁶. Для этого нужно подтвердить, что должник действительно обладает некими ресурсами, используя которые при некотором усердии возможно продолжить деятельность должника. Иногда суды оценивают финансовые показатели компании и по результатам их анализа приходят к выводу, что причиной погашения требований было, по сути, восстановление платежеспособности²⁷.

Так, при рассмотрении одного из дел суд отметил, что «мотивом погашения требований уполномоченного органа ООО «Молпром» явилось восстановление производства молочного сырья на базе оставшихся активов Кооператива, не инвентаризированных конкурсным управляющим и состоявших на балансовом учете должника на дату введения первой процедуры банкротства, сохранением коопе-

²⁴ По данным СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статрелиз%202021.pdf>.

²⁶ К такому выводу пришел суд при рассмотрении одного из дел, см.: постановление АС Московского округа от 24.11.2022 по делу № А40-227963/2017. В то же время дальнейшие пояснения контролирующего лица о том, что совместный проект с погасившим требования лицом реализовать не удалось и уже через полгода после прекращения дела он получил судебное решение о взыскании долга, скорее, говорят о надуманности этих доводов.

²⁷ См.: постановление АС Московского округа от 26.09.2022 по делу № А40-84573/2019.

ративной связи между аффилированными организациями по производству сырья, его переработке и реализации, которая может быть нарушена в результате удовлетворения заявления конкурсного управляющего об оспаривании сделок должника с ООО «Междуречье», а также в связи с недостатком сырья»²⁸.

Напротив, если должник не ведет деятельность, не обладает имуществом и штатом работников, то простого указания на добровольный характер погашения требований с целью продолжения деятельности должником явно недостаточно, поскольку такое утверждение будет противоречить объективному состоянию должника и его предпринимательским перспективам. Таким образом, если при рассмотрении вопроса о причинах погашения требований заявляется довод о желании должника продолжить свою деятельность, необходимо проверить, насколько это в принципе объективно возможно.

Пожалуй, справедливо будет и следующее наблюдение. Чем дальше по времени от момента введения процедуры выражается желание погасить требования кредиторов, тем менее вероятно, что причиной такого погашения действительно является желание восстановить платежеспособность должника. Это может быть объяснено несколькими причинами.

Во-первых, арбитражный управляющий зачастую несведущ в специфике бизнеса предприятия, а значит, его действия по управлению им в любом случае будут менее эффективными по сравнению с действиями менеджеров самой компании²⁹. Сложно себе представить, какое количество различных видов бизнеса в итоге оказывается в банкротстве, и нет такого числа арбитражных управляющих, которые бы специализировались во всех отраслях экономики.

Во-вторых, чем дольше компания находится в банкротстве, тем больше, как правило, она теряет ресурсов, начиная с работников, которые, не желая работать бесплатно и не видя перспективы продолжения своей трудовой деятельности, увольняются, и заканчивая непосредственно имуществом, которым арбитражный управляющий начинает торговать, а вырученные средства направлять на погашение текущих расходов и на расчеты с реестровыми кредиторами.

Кроме того, если у собственников бизнеса имеется желание продолжить деятельность должника, то логично предположить, что оно возникнет на самом раннем этапе банкротства, поскольку, с одной стороны, как было сказано, продолжение банкротства, скорее, имеет негативный эффект для компании, а с другой стороны, сложно представить, что такое намерение будет вербализовано в ходе дела о банкротстве. Безусловно, в жизни можно встретить и обратные примеры, когда перспективы продолжения деятельности должника выявляются после тщательного анализа его финансового состояния и переговоров между собственниками бизнеса. Однако общая тенденция видится такой — желание спасти бизнес от банкротства возникает сразу.

²⁸ См.: постановление АС Волго-Вятского округа от 03.10.2019 по делу № А31-7607/2017.

²⁹ Здесь, конечно, возникают сомнения в эффективности деятельности менеджеров, раз компания попала в банкротство.

В-третьих, возможной причиной для погашения требований может быть желание каких-то иных лиц приобрести имущество должника, например недвижимость или оборудование, и, зная о непредсказуемости торгов в банкротстве, такие лица решают погасить все требования кредиторов. Тем не менее здесь необходимо учитывать следующие моменты.

Прежде всего нужно отметить, что само по себе погашение требований кредиторов не приведет к переходу права собственности на это имущество к третьим лицам. Как следует из положений ст. 113, 125 Закона о банкротстве, между должником и лицом, погасившим требования, возникнут заемные отношения³⁰. Таким образом, передача имущества, принадлежащего должнику, третьему лицу является предметом отдельной договоренности.

Кроме того, стоимость желаемого имущества должна быть сопоставима с размером погашаемых требований. Скажем, если интересующее третье лицо имущество стоит 100 руб., а в реестр включены требования на 1000 руб., то озвученная причина о желании приобрести имущество должника будет выглядеть, мягко скажем, неубедительно. Либо речь должна идти о каком-то уникальном имуществе, например картине, оборудовании, не поставляемом в РФ из-за санкций, земельном участке, обладающем особым местоположением и характеристиками, и т.п. Но такие случаи, по-видимому, редко встречаются на практике.

Наконец, мы можем представить себе ситуацию, когда сторона оспариваемой сделки, желая избежать применения правил банкротной реституции, погашает требования, чтобы сохранить имущество, полученное по сделке, за собой. Но и здесь мы должны учитывать критерий соразмерности и исключать случаи, когда стоимость такого имущества значительно ниже размера требований кредиторов.

Теперь можно задаться вопросом: кому проще представить объяснения (сообщить суду ясные и убедительные доказательства) о причинах погашения требований кредиторов — арбитражному управляющему или лицам, которые почему-то выразили намерение погасить требования кредиторов? Представляется, что ответ очевиден. И если такие лица не раскрывают мотивов, почему они хотят удовлетворить все требования, то вполне разумно исходить из предположения, что это было сделано из-за опасения быть привлеченными к ответственности. Подобный подход, когда бремя доказывания перекладывается на лицо, которому не составляет труда это сделать, применяется и в других обособленных спорах в деле о банкротстве, в том числе при рассмотрении обоснованности требований кредиторов и оспаривании сделок³¹.

Можно предположить и обратную ситуацию, когда косвенные доказательства будут, скорее, свидетельствовать о нежелании контролирующих лиц быть привлеченными к ответственности как причине для погашения требований кредиторов.

³⁰ См. также: *Егоров А.В.* Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 114–139.

³¹ См.: определения ВС РФ от 12.08.2021 № 305-ЭС21-5898, от 02.06.2020 № 305-ЭС19-25116, от 14.10.2021 № 305-ЭС21-4104 (3), от 21.11.2022 № 305-ЭС22-14706 (1, 2), от 26.07.2021 № 305-ЭС21-6412, от 08.07.2021 № 307-ЭС20-19667, от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413.

Суды вполне могут предварительно оценить, насколько обоснованны были доводы, заявленные в иске о привлечении контролирующих лиц к ответственности, подобно тому как это делает суд при рассмотрении вопроса о принятии обеспечительных мер³². Если требование о привлечении к субсидиарной ответственности *prima facie* выглядит обоснованным, то это косвенно свидетельствует о том, что именно желание избежать этой ответственности являлось истинной причиной для погашения требований кредиторов. В то же время в ряде случаев суды, напротив, оценивают нерассмотрение иска о субсидиарной ответственности как обстоятельство, подтверждающее отсутствие связи между его подачей и погашением требований³³.

На наш взгляд, приведенные аргументы показывают, что именно погашающее требования лицо должно раскрыть мотивы такого поведения. При отсутствии объяснений следует исходить из того, что причиной послужило опасение быть привлеченным к ответственности, подобно тому как это оценивается при рассмотрении вопроса о взыскании убытков с директора³⁴. Кроме того, судам нужно учитывать те косвенные обстоятельства, которые могут свидетельствовать о реальных намерениях лица, погасившего требования кредиторов.

К сожалению, в практике подтверждение высказанного подхода практически не встречается. При рассмотрении одного из дел оказалось достаточно простого указания на наличие разумной причины для погашения требований. Суд отметил, что «довод о наличии у него [лица, погасившего требования] экономической заинтересованности в погашении задолженности не опровергнут достаточными доказательствами. Основания утверждать обратное отсутствуют»³⁵.

Можно выделить и косвенные доказательства того, что погашение требований кредиторов никак не было связано с совершенными арбитражным управляющим действиями. Например, по одному из дел суд отметил, что «подача заявления Люлиным В.Н. по времени совпала с направлением конкурсным управляющим в его адрес копии заявления, следовательно, на момент направления своего заявления Люлин В.Н. не имел возможности оценить доводы конкурсного управляющего, касающиеся привлечения к субсидиарной ответственности, и принять решение о погашении требований кредиторов во избежание привлечения к субсидиарной ответственности»³⁶. Тем более сомнительным выглядит наличие причинно-следственной связи, когда заявление о погашении требований было подано до подачи иска о привлечении контролирующих лиц к ответственности³⁷.

³² В законе провинции Буэнос-Айрес этот критерий закреплен законодательно. См.: Соловьев А.А. Зарубежный опыт применения обеспечительных мер (на примере дел об оспаривании административных актов) // Вестник АС Московского округа. 2019. № 4. С. 27–36. В России данное основание не упоминается в законе. Тем не менее очевидно, что судья держит его в уме и откажет в принятии обеспечительных мер, если доводы иска явно надуманны.

³³ См.: постановление АС Московского округа от 26.09.2022 по делу № А40-84573/2019.

³⁴ См.: п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

³⁵ Постановление АС Московского округа от 28.07.2022 по делу № А41-94944/2019.

³⁶ См.: постановление АС Волго-Вятского округа от 08.12.2021 по делу № А28-3435/2020.

³⁷ См.: постановление АС Московского округа от 07.06.2022 по делу № А40-83019/2019.

И напротив, если заявление о погашении требований кредиторов поступило после подачи заявления о привлечении контролирующих лиц к ответственности, то это может свидетельствовать о наличии причинно-следственной связи между этими действиями: «...в данном случае суды приняли во внимание, что заявление Терентьева В.И. о намерении погасить требования уполномоченного органа поступило в суд после подачи конкурсным управляющим заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности и после того, как судом было отказано в удовлетворении требований Терентьева В.И. об исключении имущества из конкурсной массы, и признали, что имеются основания полагать, что обращение конкурсного управляющего в суд, а также его активная позиция по требованию об исключении имущества из конкурсной массы, способствовали подаче Терентьевым В.И. заявления о намерении погасить требования уполномоченного органа»³⁸.

Однако и в случаях, когда заявление о погашении требований кредиторов поступило значительно позднее подачи иска о субсидиарной ответственности, суды обнаруживают отсутствие оснований для установления вознаграждения и не видят условий для переложения бремени доказывания: «...заявление ООО «Камчатстрой-проект» о намерении погасить требования уполномоченного органа, включенные в реестр требований кредиторов, поступило в суд 03.12.2018, то есть намного позднее даты поступления в суд заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности (более одного года)...»³⁹.

То есть суд рассуждает так, что если бы погашение требований было связано с поданным заявлением, то эти события должны были наступить близко по времени. Но ведь заявление намерения погасить требования кредиторов значительно позднее подачи иска о привлечении к субсидиарной ответственности вовсе не означает, что это было сделано не вследствие поданного иска. Мы вполне можем допустить, что реальные основания для привлечения контролирующих лиц к ответственности обнаружились в ходе самого процесса и поэтому естественно, что требования были погашены, когда контролирующие лица почувствовали для себя реальную угрозу.

В таком понимании дата подачи заявления сама по себе не имеет значения. Важно, что погашение требований состоялось после того, как арбитражный управляющий представил суду совокупность обстоятельств, свидетельствующих о наличии основания для привлечения контролирующих лиц к ответственности. Это может случиться и через год, и через два после формальной даты подачи заявления.

Резюмируя, отметим, что, на наш взгляд, вполне обоснованным было бы поставить вопрос о том, что именно погашающее требование лицо должно доказать, что погашение требований никак не было связано с поданным заявлением о привлечении к ответственности, при условии, что такое заявление *prima facie* выглядит обоснованным.

³⁸ Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 08.04.2021 по делу № А33-13681/2018.

³⁹ Постановление АС Дальневосточного округа от 10.09.2020 по делу № А24-105/2017.

Лицо, имеющее право на вознаграждение

На первый взгляд может показаться, что вопрос, поставленный в настоящем разделе, тривиален. Действительно, в соответствии с положениями Закона о банкротстве правом на получение не только стимулирующего, но и фиксированного вознаграждения обладает исключительно арбитражный управляющий.

Вместе с тем применительно к стимулирующему вознаграждению этот тезис может быть поставлен под сомнение. Условием выплаты вознаграждения является достижение определенного результата — погашение требований кредиторов в том или ином размере.

Думается, читатель согласится с нами, что в процедурах банкротства значительную роль зачастую играют кредиторы, которые, желая получить удовлетворение своих требований, противятся включению требований других кредиторов в реестр, оспаривают сделки, подают жалобы на арбитражного управляющего и взыскивают с него убытки, подают заявление о привлечении к субсидиарной ответственности.

Конечно, если мы посмотрим на зарубежные правовые порядки, то увидим, что такая функция несвойственна кредиторам, поскольку все эти действия выполняет арбитражный управляющий и только он обладает соответствующими полномочиями.

Тем не менее отечественный законодатель намеренно и последовательно наделяет кредиторов самостоятельными процессуальными правами. Например, довольно давнее, но от этого не менее значимое изменение Закона о банкротстве заключалось в том, чтобы предоставить кредиторам, имеющим более 10% в реестре, право на оспаривание сделок.

В таком случае будет ли резонно поставить вопрос о возможности выплаты вознаграждения особо активному кредитору, чьи действия привели к общей выгоде? Применительно к рассматриваемой проблеме косвенную отсылку к ответу на него можно обнаружить в абз. 5 п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве, согласно которому размер вознаграждения арбитражного управляющего может быть снижен, если «будет доказано, что привлечению к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и (или) исполнению судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности *способствовали действия иных лиц* (курсив наш. — С.С.), участвующих в деле о банкротстве».

Из этого положения можно сделать два альтернативных вывода:

- 1) законодатель имел в виду, что в случае совместных действий нескольких лиц вознаграждение управляющего взыскивается в меньшем размере, а в оставшейся части соответствующее лицо освобождается от выплаты вознаграждения;
- 2) 30%-ное вознаграждение делится между арбитражным управляющим, подавшим заявление о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, и лицом, также способствовавшим полному погашению требований кредиторов.

На наш взгляд, второй вариант выглядит более предпочтительным. Возможность получения стимулирующего вознаграждения предусмотрена законом для того,

чтобы поощрить лицо, чьими усилиями был достигнута цель процедуры банкротства, а не освободить виновных в банкротстве лиц от его выплаты.

Тем не менее при рассмотрении одного из дел суд, отказывая в удовлетворении требования о взыскании вознаграждения, отметил, что «положительный результат в виде намерения погасить требования уполномоченного органа фактически обусловлен комплексом действий как уполномоченного органа (подача заявления о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в связи с привлечением должника к налоговой ответственности), так и конкурсного управляющего (подача заявлений о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника, об оспаривании непосредственно сделки купли-продажи)»⁴⁰.

Если мы допускаем, что стимулирующее вознаграждение может быть установлено не только арбитражному управляющему, то далее возникает вопрос: кто может быть тем иным лицом, имеющим право претендовать на получение вознаграждения? В первую очередь приходит на ум ситуация с двумя или более последовательно сменившимися арбитражными управляющими. Нет сомнений, что если результат в виде погашения требований кредиторов был достигнут путем совокупных действий всех арбитражных управляющих, то вознаграждение должно быть разделено между ними в зависимости от вклада каждого⁴¹.

Однако нам кажется, что правом на получение вознаграждения должен быть наделен и кредитор, поскольку он, реализуя свои процессуальные возможности в деле о банкротстве, действует на общее благо — погашение требований кредиторов. Если мы исходим из истинности утверждения, что вознаграждение выплачивается в пользу лица, совершающего некоторые действия, в результате которых контролирующее или иное лицо решает полностью погасить требования кредиторов, то кредитор вполне подходит под такое описание и вправе рассчитывать на получение вознаграждения.

В последнее время мы можем увидеть, как в практике поднимается вопрос о возможности взыскания с кредитора убытков, вызванных неправомерными действиями, совершенными им в деле о банкротстве⁴². Если мы соглашаемся с тем, что за совершение противоправных действий кредитор находится под риском наступления негативных последствий, то было бы справедливым, чтобы за совершение выгодных действий в интересах всех кредиторов он имел право на получение вознаграждения.

К сожалению, на практике эта идея на сегодняшний день выглядит весьма утопично. Но это не значит, что в какой-то момент этот вопрос не встанет перед судами, и в первую очередь перед Верховным Судом. Поэтому предложение концептуальных

⁴⁰ Постановление АС Дальневосточного округа от 05.05.2022 по делу № А73-10780/2019.

⁴¹ Такая позиция, хотя и в достаточно искаженном виде, была отражена в постановлении АС Поволжского округа от 05.07.2022 по делу № А12-11196/2011.

⁴² См.: определение ВС РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26–28).

вариантов решения этой проблемы видится весьма актуальным, тем более что уже можно встретить судебные акты, в которых суды констатируют вклад как арбитражного управляющего, так и кредитора в достижение результата по погашению задолженности⁴³.

С вознаграждением связана также проблема взыскания в пользу кредитора расходов на привлеченных лиц, которая, как кажется, еще более выпукло показывает, что кредитор лишен всякой возможности компенсировать свои потери, возникшие при достижении общих для всех кредиторов целей. Как известно, при прочих равных арбитражный управляющий вправе требовать возмещения расходов на привлеченных лиц — бухгалтера, юриста и т.д.⁴⁴

Может ли кредитор рассчитывать на возмещение подобных расходов? Закон о банкротстве этот вопрос не разрешает. Если в отношении выплаты вознаграждения кредитору можно высказать возражения, сводящиеся к утверждению, что не очень правильно одному кредитору наживаться за счет других⁴⁵, то в отношении понесенных расходов такое суждение едва ли будет справедливым. Кредитор, занимая активную позицию в деле о банкротстве и, например, оспаривая сделки, совершенные должником, действует не только и не столько в своих интересах, сколько в интересах всех кредиторов, поскольку присуждение будет осуществлено в пользу конкурсной массы и распределяться между кредиторами *pro rata*.

Если обозначенная активность кредитора не дублирует действия арбитражного управляющего и действительно имеет значимый эффект для процедуры банкротства, то какие есть основания не разрешить такому кредитору возместить понесенные расходы хотя бы в разумных пределах? На наш взгляд, эту возможность следует допустить.

При этом права лица, на которого суд возлагает обязанность выплатить вознаграждение, никаким образом не ущемляются, поскольку суд взыскивает вознаграждение в размере 30% и распределяет его между всеми лицами, причастными к достижению результата в виде погашения требований кредиторов.

Расширение вознаграждения на иные заслуги управляющего, помимо привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности: допустимо ли?

К сожалению, придется констатировать узость подхода, занятого законодателем, который указывает, что вознаграждение выплачивается только в случае подачи за-

⁴³ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 05.05.2022 по делу № А73-10780/2019.

⁴⁴ Следует отметить, что при взыскании 30%-ного стимулирующего вознаграждения такие расходы, как это следует из п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве, включаются в размер вознаграждения и отдельно не взыскиваются.

⁴⁵ Применительно к 30%-ному вознаграждению следует отметить, что оно начисляется сверх требований кредиторов и возмещается лицом, погасившим требования, за счет собственных средств. Поэтому в этом случае подобный аргумент относительно нерелевантен.

явления о субсидиарной ответственности. Можно с уверенностью утверждать, что законом не охватываются все ситуации, когда полезные действия арбитражного управляющего, не сводящиеся к иску о субсидиарной ответственности, привели к погашению требований кредиторов.

Как быть, например, с заявлениями об оспаривании сделок или предъявленных требований о взыскании убытков? Возможный ответ, находящийся на поверхности, заключается в том, что законодатель намеренно ограничил случаи выплаты вознаграждения только заявлением иска о субсидиарной ответственности, поскольку субсидиарная ответственность — это самая серьезная кара в деле о банкротстве, исчисляющаяся размером непогашенных требований кредиторов. Иными словами, в такой парадигме контролирующее лицо может рассуждать следующим образом: если я все равно погашу долги перед кредиторами, когда меня привлекут к ответственности, то почему бы не погасить их требования добровольно, избежав публикации негативной информации о факте привлечения к ответственности?

При таком подходе кажется, что инициирование спора о взыскании убытков не может считаться достаточным триггером в сознании контролирующего лица для погашения требований кредиторов. А следовательно, нельзя и утверждать, что имеется достаточная совокупность действий арбитражного управляющего для выплаты ему вознаграждения.

На наш взгляд, такой подход является слишком поверхностным. Начнем свое рассуждение со споров о взыскании убытков. В некоторых случаях размер убытков может превышать величину требований, установленных в реестре. Тем не менее арбитражный управляющий может заявить иск по модели взыскания убытков, поскольку ему, например, сложно доказать, что данные действия являлись причиной банкротства, но тем не менее налицо неразумные или недобросовестные действия контролирующих лиц, повлекшие уменьшение имущества должника.

Здесь также следует отметить, что окончательную квалификацию совершенных контролирующими лицами действий осуществляет суд. Как отмечено в п. 20 постановления № 53⁴⁶, «при решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению — общие положения о возмещении убытков (в том числе статья 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (статья 61.11 Закона о банкротстве), — суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было негативное воздействие контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц, действующих совместно либо раздельно) на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия»⁴⁷.

Мы вполне можем допустить, что арбитражный управляющий предъявил иск, поименованный им как требование о взыскании убытков, который в случае его

⁴⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

⁴⁷ Аналогичная идея отражена в абз. 3 п. 17 постановления № 53.

рассмотрения судом был бы квалифицирован как подтверждающий наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, а не взыскания убытков. Однако поскольку требования гасятся до рассмотрения такого иска по существу, соответствующую квалификацию суд не производит.

Безусловно, в приведенном примере арбитражный управляющий заслуживает получения вознаграждения так же, как если бы он предъявил иск о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

С таким подходом в некоторых случаях соглашаются и суды. Например, АС Западно-Сибирского округа отметил, что «в данном случае положительный результат в виде намерения погасить требования кредитора был обусловлен подачей конкурсным управляющим заявлением о привлечении контролирующего должника лица к ответственности в виде возмещения убытков, что по своей природе аналогично привлечению такого лица к субсидиарной ответственности»⁴⁸. Иногда суды в принципе не проводят параллель между убытками и субсидиарной ответственностью и взыскивают вознаграждение тогда, когда было подано заявление о взыскании убытков⁴⁹.

По итогам анализа судебной практики также можно прийти к выводу, что возможность установления стимулирующего вознаграждения в делах о банкротстве граждан исключается. Как известно, на сегодняшний день судебная практика не допускает предъявление иска о субсидиарной ответственности в делах о банкротстве граждан⁵⁰. Однако когда управляющему в таких делах удастся взыскать убытки, суды те не менее не видят оснований для взыскания стимулирующего вознаграждения: «...при этом тот факт, что субсидиарная ответственность является частным случаем убытков, а потому лица, которые своими действиями нанесли ущерб конкурсной массе должника и причинили вред имущественным правам должника и его кредиторов, могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков, в том числе в делах о банкротстве граждан, не означает допустимость установления судами стимулирующего вознаграждения в делах указанной категории, поскольку нормы, устанавливающие ответственность, расширительному толкованию не подлежат.

Поэтому само по себе проведение финансовым управляющим в процедуре реализации имущества гражданина мероприятий по взысканию убытков с аффилированных к должнику лиц, а тем более — оспариванию сделок с ними не может являться основанием для возложения обязанности по выплате дополнительного стимулирующего вознаграждения по правилам пункта 3.1 статьи 20.6 Закона о банкротстве на лицо, выразившее намерение погасить требования к должнику об уплате обязательных платежей; выводы судов первой и апелляционной инстанций об обратном сделаны при неправильном применении положений действующего законодательства»⁵¹.

⁴⁸ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 29.10.2021 по делу № А70-22572/2019.

⁴⁹ См.: Там же. Следует отметить, что по этому делу, судя по всему, размер вмененных убытков был значительно больше величины требований кредиторов.

⁵⁰ См.: определения ВС РФ от 12.02.2021 № 310-ЭС20-19772 (2), от 23.11.2018 № 305-ЭС18-18677.

⁵¹ Постановление АС Уральского округа от 30.08.2022 по делу № А47-7613/2019.

В то же время добавление такого элемента, как подача ходатайства о принятии обеспечительных мер по иску о субсидиарной ответственности, к достаточным критериям может подтвердить причину погашения требований кредиторов из-за рисков быть привлеченным к ответственности⁵². Также суды отказывают в установлении вознаграждения, когда большинство доказательств по иску о субсидиарной ответственности было представлено кредитором⁵³.

Применительно к оспариванию сделок ситуация предстает не столь транспарентной. Здесь, на наш взгляд, необходимо разделять две ситуации. В одном случае ответчиком по заявлению является независимый контрагент, чья сделка формально подпадает под признаки оспаривания. Например, кредитор получил преимущественное удовлетворение своих требований, оспариваемое на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В другом случае ответчиком по иску об оспаривании является контролирующее должника или аффилированное с ним лицо, на что иногда обращают внимание и суды⁵⁴. На наш взгляд, в такой ситуации мы можем наблюдать конвергенцию всех институтов пополнения конкурсной массы. Действительно, в чем существенная разница между заявлениями о взыскании убытков, привлечении к субсидиарной ответственности и оспариванием сделок, если ответчиком по всем таким требованиям является контролирующее лицо? Она заключается лишь в способе возмещения (правовых последствиях совершенного действия, которые тем не менее выражаются в пополнении конкурсной массы) и отличающихся предметах доказывания. Между тем экономическая цель и основание у этих исков одно — возмещение негативных последствий противоправных действий, совершенных контролирующими лицами.

Поэтому, на наш взгляд, в некоторых случаях даже предъявление одного или нескольких заявлений об оспаривании сделок может служить основанием для установления стимулирующего вознаграждения арбитражному управляющему.

Положительный отклик на высказанное соображение мы можем встретить и в судебной практике. Так, при рассмотрении одного из дел суд отметил: «...ввиду неразрывной взаимосвязи требований о признании сделки недействительной и привлечении к субсидиарной ответственности... суд кассационной инстанции, принимая во внимание исследованные судами доказательства и установленные при рассмотрении дела о банкротстве общества обстоятельства, считает необходимым признать право конкурсного управляющего на получение стимулирующего вознаграждения в порядке абзаца четвертого пункта 3.1 статьи 20.6 Закона о банкротстве»⁵⁵.

Тем не менее мы легко можем обнаружить и обратную практику: «...в то же время судебная коллегия считает необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что конкурсный управляющий в обоснование своего требования ссылается на

⁵² См.: постановление АС Московского округа от 14.10.2022 по делу № А40-185916/2018.

⁵³ См.: постановление АС Московского округа от 01.10.2020 по делу № А40-123692/2016.

⁵⁴ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.06.2021 по делу № А03-11430/2019.

⁵⁵ Постановление АС Дальневосточного округа от 05.05.2022 по делу № А73-10780/2019.

оспаривание им сделок должника. Однако названный факт, учитывая назначение стимулирующего вознаграждения, не может быть использован при расчете такого вознаграждения, о чем прямо указано в абзаце первом пункта 3.1 статьи 20.6 Закона о банкротстве»⁵⁶.

Ключевое значение следует придавать не типу и названию предъявленного арбитражным управляющим требования, а тому, какой эффект оказывают выполненные им действия в совокупности на типичное поведение контролирурующих лиц. Если такие действия, вероятно, привели бы к расчету с кредиторами в значительной части, а контролирующее лицо, желая избежать этого, добровольно погашает требования, то имеются основания для начисления вознаграждения. Иногда с таким подходом соглашаются и суды, указывая, что совокупность совершенных арбитражным управляющим действий по взысканию убытков и оспариванию сделок послужила достаточным основанием для установления вознаграждения⁵⁷.

Но более частой является ситуация, когда суды не видят в оспаривании сделок оснований для взыскания вознаграждения. Один из судов пришел к выводу, что «на момент подачи заявления о намерении погасить требования кредиторов сделки с ООО «Большая Ордынка» и АО «Азимут-МР» уже были признаны недействительными, следовательно, действия третьего лица не были направлены на предотвращение вынесения соответствующих судебных актов и применения последствий недействительности сделок»⁵⁸.

Данный подход не может не вызвать возражения. Сторона оспоренной сделки может опасаться не только самого факта вынесения судебного акта, присуждающего к возврату имущества в конкурсную массу, но и реального исполнения такого акта, что, как представляется, даже более значимо. Поэтому погашение требований после вынесения такого акта не свидетельствует о том, что причиной погашения не были опасения быть привлеченным к ответственности.

Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что в ряде случаев потенциальная возможность привлечения контролирующего лица к ответственности в широком смысле, т.е. независимо от типа предъявленного к нему иска, может являться нематериальным стимулом для контролирующего лица, чтобы погасить требования кредиторов.

Помимо бытового соображения, что никому не хочется быть ответчиком по удовлетворенному иску о привлечении к ответственности, такой факт вполне может иметь осязаемые последствия для контролирующего лица, поскольку ряд компаний отказывается работать с лицами, участвовавшими в подобных спорах, тем более когда они были завершены негативно.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо оценивать совокупность совершенных арбитражным управляющим действий и то, насколько они могли повлиять на поведение третьего лица, погасившего требования, и быть ими обусловлены.

⁵⁶ Постановление АС Дальневосточного округа от 07.07.2021 по делу № А73-10780/2019.

⁵⁷ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 23.08.2021 по делу № А46-5401/2019.

⁵⁸ См.: постановление АС Московского округа от 06.07.2022 по делу № А41-7830/2020.

Лицо, выплачивающее вознаграждение

Еще одним немаловажным вопросом, требующим критического осмысления, является определение лица, которое должно выплатить вознаграждение арбитражному управляющему.

В абз. 3 п. 65 постановления № 53 разъясняется, что вознаграждение арбитражному управляющему выплачивается лицом, погасившим требования. Во-первых, возникает вопрос, почему обязанным лицом по выплате вознаграждения является лицо, погашающее требование, если основанием для выплаты вознаграждения является опасение контролирующего лица быть привлеченным к ответственности. То есть к выплате вознаграждения понуждается лицо, будто бы никак не связанное с лицом, погашающим требования кредиторов. На этот парадокс обращают внимание и суды, которые, по-видимому, считают его одним из оснований для отказа в удовлетворении требования об установлении вознаграждения⁵⁹.

Можно заметить, что суды для принятия решения о взыскании вознаграждения определенно хотят увидеть связь между контролирующими лицами и лицом, погасившим требования: «...в целях подтверждения того обстоятельства, что третье лицо при погашении реестра требований кредиторов должника действовало в экономических интересах общества «СМС» и эти интересы в действительности совпадали с экономическими интересами КДЛ, либо общество «СМС» являлось подконтрольным лицом по отношению к ответчикам в рамках рассмотрения обособленного спора по заявлению управляющего о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности протокольным определением суда апелляционной инстанции от 08.12.2021 управляющему предлагалось раскрыть связь третьего лица с Зориным С.Р. и Ткачевым Н.Ф., обосновать, что погашение третьим лицом реестра требований кредиторов должника осуществлялось исключительно по просьбе общества «СМС»; обосновать отсутствие связи третьего лица с Зориным С.Р. и Ткачевым Н.Ф., наличие связи третьего лица с обществом «СМС»⁶⁰.

Когда судами установлена корпоративная связь между контролирующим лицом и лицом, погасившим требования, для взыскания вознаграждения им достаточно установить, что погашение было произведено после подачи заявления о привлечении контролирующего лица к ответственности⁶¹, как и при погашении требования самим контролирующим лицом⁶². В таких случаях судам как будто интуитивно проще прийти к решению об установлении вознаграждения.

Однако иногда суды абсолютно верно отмечают, что «законодателем возможность получения арбитражным управляющим стимулирующего вознаграждения ставится в зависимость исключительно от факта доказанности причинно-след-

⁵⁹ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.02.2022 по делу № А46-13385/2016.

⁶⁰ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 12.05.2022 по делу № А46-24216/2019.

⁶¹ См.: постановления АС Западно-Сибирского округа от 29.10.2021 по делу № А70-22572/2019; АС Поволжского округа от 25.03.2021 по делу № А12-32584/2016.

⁶² См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.06.2021 по делу № А03-11430/2019, от 02.12.2019 по делу № А03-16724/2017.

ственной связи между подачей заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и погашением требований кредиторов, включенных в реестр, а не от факта наличия заинтересованности указанных лиц по отношению друг к другу.

Более того, нормами закона прямо предусмотрена возможность погашения требований как контролирующим должника лицом, так и иным лицом независимо от того, является ли оно аффилированным по отношению к должнику или нет»⁶³.

То есть сам законодатель рассматривает ситуацию, когда контролирующее лицо специально просит кого-то другого погасить требования, но фактически это происходит за счет самого контролирующего лица.

Единственным вариантом, позволяющим обнаружить логику в разъяснениях ВС РФ, является фактически отождествление контролирующих лиц с лицом, погашающим требования кредиторов. Можно утверждать, что Верховный Суд соглашается с нами в предположении, что лицо, погашающее требования кредиторов, очевидно связано с контролирующими лицами, поскольку наиболее вероятно, что погашение требований было вызвано неправомерными мотивами.

Во-вторых, если вознаграждение устанавливается за фактическое удовлетворение судебного решения о привлечении к субсидиарной ответственности, оно взыскивается за счет средств кредиторов и впоследствии взыскивается в порядке возмещения судебных расходов с контролирующих лиц.

Можно заметить, что в одном случае лицами, формально ответственными за выплату вознаграждения арбитражного управляющего, являются контролирующие лица, а в другом — лицо, погашающее требования. На наш взгляд, подобное расхождение следует интерпретировать таким образом, что при полном погашении требований кредиторов появляется дополнительный субъект, отвечающий перед арбитражным управляющим. Иными словами, вполне разумно рассмотреть возможность солидарной ответственности контролирующих лиц и лица, погасившего требования.

Вместе с тем не стоит забывать, что в некоторых случаях лицо, погашающее требования, никак не связано с контролируемыми лицами и имеет разумный экономический интерес в погашении требований. В таких обстоятельствах возлагать на него дополнительное финансовое бремя в виде выплаты вознаграждения было бы несправедливо.

Одним из вариантов решения этой проблемы могло бы стать применение следующей презумпции: лица, контролирующие должника, и лицо, погасившее требования, отвечают солидарно, если третье лицо не докажет, что оно имело самостоятельный интерес в погашении долгов компании, отличный от интересов контролирующих лиц.

63

Постановление АС Московского округа от 22.02.2022 по делу № А40-221079/2017.

Снижение вознаграждения

Даже если арбитражному управляющему удалось обойти все препятствия, которые были изложены в настоящей статье, он все равно находится под риском снижения вознаграждения. Буквальная норма предусматривает возможность снижения вознаграждения, только когда доказано, что достижению результата в виде погашения требований кредиторов способствовали действия иных лиц.

В то же время суды зачастую снижают вознаграждение, приводя различные мотивы, которые, однако, расходятся с положениями ст. 20.6 Закона о банкротстве. Суды пытаются увидеть в действиях арбитражного управляющего какое-то особое старание, и только при этих обстоятельствах они готовы установить вознаграждение в полном объеме.

Например, суды пишут, что материалами дела не подтверждается «необходимость осуществления несвойственной или чрезмерно сложной работы»⁶⁴ или что «в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие, что удовлетворение требований кредиторов вызвано активными действиями конкурсного управляющего, связанными с подготовкой, подачей заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности и признании сделки недействительной и отстаиванием позиции по этим заявлениям в суде, действия конкурсного управляющего при рассмотрении указанных обособленных споров свелись лишь к подаче заявлений, а не к активным действиям по отстаиванию позиции по ним в суде»⁶⁵, а также что «конкурсным управляющим не раскрыт объем собственных трудовых затрат и стараний, направленных на реальное формирование конкурсной массы»⁶⁶, «дело о банкротстве должника не относится к категории сложных»⁶⁷, «проведенные конкурсным управляющим должником мероприятия входят в круг обязанностей, установленных законодательством»⁶⁸.

Если мы посмотрим, в каком размере по факту взыскивается вознаграждение, то мы получим удивительные результаты, когда суды взыскивают меньше 5%⁶⁹, 5–10%⁷⁰, 0,3%⁷¹ и даже 0,03%, когда в пользу арбитражного управляющего взыскали 50 000 руб.⁷²

⁶⁴ Постановление АС Московского округа от 26.09.2022 по делу № А40-84573/2019.

⁶⁵ Постановление АС Московского округа от 14.09.2022 по делу № А41-76374/2019.

⁶⁶ Постановление АС Московского округа от 24.05.2021 по делу № А40-153042/2016.

⁶⁷ Постановление АС Московского округа от 19.11.2020 по делу № А40-224202/2017.

⁶⁸ Постановление АС Поволжского округа от 28.03.2022 по делу № А65-1148/2020.

⁶⁹ См.: постановление АС Волго-Вятского округа от 28.12.2021 по делу № А43-29187/2017.

⁷⁰ См.: постановления АС Восточно-Сибирского округа от 08.04.2021 по делу № А33-13681/2018 (сумма вознаграждения составила 300 000 руб.); АС Дальневосточного округа от 05.05.2022 по делу № А73-10780/2019 (сумма вознаграждения составила 11 000 000 руб.).

⁷¹ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 07.07.2021 по делу № А73-10780/2019.

⁷² См.: постановление АС Дальневосточного округа от 07.10.2020 по делу № А24-1724/2017.

Впрочем, есть и примеры, когда суды взыскивают вознаграждение в полном объеме. Однако, как правило, это касается случаев взыскания относительно небольшой суммы: 100 000 руб.⁷³, 500 000 руб.⁷⁴, 800 000 руб.⁷⁵, 900 000 руб.⁷⁶

Все это показывает, что суды психологически не готовы взыскивать большую сумму в пользу арбитражного управляющего. Именно поэтому они пытаются отыскать в его действиях особые старания. Подход судов очень схож с тем, который практикуется при взыскании судебных расходов, в том смысле, что взыскиваемая сумма устанавливается в разумных пределах на усмотрение суда.

Мы категорически не согласны с такой практикой. Во-первых, неверен сам постулат о том, что необходимо отыскивать в действиях арбитражного управляющего особые старания. По п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве вознаграждение выплачивается за достижение результата. Что может быть лучше для кредитора, чем полное удовлетворение его требований?

Если арбитражный управляющий очень быстро добился такого результата, то это вовсе не означает, что он не достоин вознаграждения в полном объеме. Следуя логике, зачастую занимаемой судами, арбитражный управляющий должен долго и усердно стараться, чтобы добиться полного погашения требования кредиторов.

В то же время быстрое достижение результатов свидетельствует о выгоде для кредиторов, поскольку, естественно, с течением времени полученные ими деньги теряют свою ценность. Из этого следует, что если арбитражный управляющий на начальной стадии дела о банкротстве добился идеального результата — полного погашения требований, то это скорее говорит о его заслугах, чем наоборот.

Внимательный читатель может возразить, что система вознаграждений арбитражного управляющего, сложившаяся в России, в целом несправедлива, поскольку размер вознаграждения никак не коррелирует с получаемой суммой. Иногда 7% (максимальный размер вознаграждения по ранее действовавшей редакции) может быть много, а в некоторых случаях — мало.

Тем не менее такой подход по текущей редакции Закона о банкротстве по мотивам, которые часто упоминают суды, не встречается.

Также видится странной позиция судов, которые отказывают в выплате вознаграждения или, устанавливая причинно-следственную связь между погашением требований кредиторов и совершенными управляющим действиями, снижают его ниже 7%.

Максимальный размер вознаграждения, взыскиваемого в пользу арбитражного управляющего, если не брать во внимание новые положения о стимулирующем

⁷³ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.06.2021 по делу № А03-11430/2019.

⁷⁴ См.: постановление АС Дальневосточного округа от 03.02.2022 по делу № А73-10895/2019.

⁷⁵ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.06.2021 по делу № А27-20968/2017.

⁷⁶ См.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 02.12.2019 по делу № А03-16724/2017.

вознаграждении, составляет 7%. Поэтому нам кажется вполне разумным, что суды, не установив основания для выплаты вознаграждения по п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве, должны его взыскать, руководствуясь п. 12, 13 и 17 этой статьи.

Последующее заявление арбитражным управляющим нового требования видится излишним и не соответствующим принципу процессуальной экономии. Зачем множить споры в деле о банкротстве, если вознаграждение арбитражного управляющего можно установить один раз, применив соответствующую норму материального права? По нашему мнению, такие основания отсутствуют и вопрос о взыскании вознаграждения в любом случае должен быть рассмотрен. Тем не менее нам не удалось обнаружить практику, когда бы суд рассуждал подобным образом. Если суд не видит оснований для стимулирующего вознаграждения, то отказывает в удовлетворении требования в полном объеме.

Наконец мы считаем необходимым подсветить смежную проблему. В случае фактического исполнения судебного решения о привлечении к субсидиарной ответственности ВС РФ указывает, что оно взымается за счет кредиторов с последующим предъявлением требования о взыскании этих сумм «по правилам о судебных расходах».

Значит ли это, что при рассмотрении такого спора должны применяться нормы о возможности снижения вознаграждения по принципу «разумные пределы»? На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным, а суды должны руководствоваться только нормой п. 3.1 ст. 20.6 Закона о банкротстве, согласно которой единственным случаем снижения вознаграждения является установление факта совокупного результата действий нескольких лиц.

В данном случае отсылку ВС РФ к правилу о судебных расходах следует расценивать как связанную только со сроком заявления требований и определением суда, который этот вопрос должен рассматривать.

Проведенное исследование показывает слабые места в институте взыскания стимулирующего вознаграждения. Мы надеемся, что те критические рассуждения, которые были приведены, позволят скорректировать складывающуюся судебную практику и интересы арбитражных управляющих получат лучшую защиту.

Incentive Remuneration of an Insolvency Administrator for Voluntary Repayment of Creditors' Claims: Crystallisation of Problems and Search for Their Solution

The Bankruptcy Law provides for two cases in which an insolvency practitioner could receive an incentive remuneration. In one of them, the remuneration is provided for the actual repayment of creditors' claims and depends on the percentage of satisfied claims. In the other case, the remuneration is paid if creditors' claims are settled through the actual execution of a judgment that holds the controlling persons liable for the bankruptcy. One of the subspecies of the second case of remuneration is the situation when, after filing an application for bringing

the controlling persons to liability, the creditors' claims were satisfied voluntarily. This article considers the latter narrow situation.

Based on the results of the study, the article argues that although the introduction of this institution is to be welcomed, there are still problems that require clarification by the Supreme Court. The study of the conditions for the remuneration allows us to conclude that in the case of repayment of creditors' claims after the filing of an application to hold the debtor's controlling persons liable, it should be presumed that this happened precisely because such an application had been filed. The article also suggests that incentive remuneration should be established not only in the case of filing an application for subsidiary liability, but also in the case of filing other claims, which may have a negative effect on the controlling persons.

A separate block is devoted to criticism of the approach of courts, which reduce the incentive remuneration to arbitration administrators.

Keywords: termination of bankruptcy proceedings, incentive remuneration

Stanislav Sobolev

Trial Lawyer at Moscow Bar Association *Regionservice*, Master of Private Law (Russian School of Private Law) (e-mail: stanislavsobolev01@gmail.com).

References

- Abdurakhmanov S.Kh-ogly*. Remuneration of an Insolvency Practitioner When Bringing Persons Controlling the Debtor to Subsidiary Liability [*Voznagrazhdenie arbitrazhnogo upravlyayuschego pri privilechenii kontroliruyuschikh dolzhnika lits k subsidiarnoi otvetstvennosti*]. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice [*Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*]. 2018. No 8. P. 66–76.
- Allakhverdiev I.* Burden of Proof of Adverse Facts in Insolvency Practitioner's Conditional Claims [*Bremya dokazyvaniya otritsatelnykh faktov po konditsionnym iskam konkursnykh upravlyayuschikh*]. Civilistics [*Tsivilistika*]. 2022. No. 2. P. 215–224.
- Chukhaldin K.* Remuneration of the Insolvency Practitioner: Increase or Fix? [*Voznagrazhdenie arbitrazhnogo upravlyayuschego: uvelichit' ili zafiksirovat'?*]. Civilistics [*Tsivilistika*]. 2020. No. 5. P. 94–126.
- Dobrachev D.V.* Problems of Judicial Practice of Bringing Debtor's Controlling Persons to Subsidiary Liability in Bankruptcy Proceedings [*Problemy sudebnoi praktiki privilecheniya k subsidiarnoi otvetstvennosti kontroliruyuschikh dolzhnika lits v protsedure bankrotstva*]. Moscow, Infotropic Media, 2019. 172 p.
- Egorov A.V.* Effect of Affiliation on Bankruptcy [*Vliyaniye affilirovannosti na bankrotstvo*]. Civilistics [*Tsivilistika*]. 2021. No. 2. P. 20–67.
- Egorov A.V.* Insolvency Proceedings: Commentary on Key Points [*Konkursnoe proizvodstvo: kommentariy klyuchevykh momentov*]. Civil Law Review [*Vestnik grazhdanskogo prava*]. 2019. No. 1. P. 114–139.
- Gutnikov O.V.* Liability of the Debtor's Director and Other Persons in a Bankruptcy Case: General Novelties and Shortcomings of Legal Regulation [*Otvetstvennost' rukovoditelya dolzhnika i inykh lits v dele o bankrotstve: obshchie novelly i nedostatki pravovogo regulirovaniya*]. Business Law [*Predprinimatelskoe pravo*]. 2018. No. 1. P. 48–60.
- Karapetov A.G., Kosarev A.S.* Standards of Proof: Analytical and Empirical Research [*Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2019. No. 5. Special Issue. 96 p.
- Lysenko A.* Remuneration of an Insolvency Practitioner: Practice of Application of Special Clarifications of the SAC [*Voznagrazhdenie arbitrazhnogo upravlyayuschego: praktika primeneniya spetsialnykh raz'yasneniy VAS*]. Journal of the Russian School of Private Law [*Zhurnal RShChP*]. 2020. Iss. 3. P. 193–207.
- Rykov I.Yu.* Subsidiary Liability: Trends in Modern Management [*Subsidiarnaya otvetstvennost: tendentsii sovremennogo menedzhmenta*]. 2nd ed. Moscow, Statut, 2019. 195 p.
- Shafranov A.* Legal Status of an Insolvency Practitioner [*Pravovoi status arbitrazhnogo upravlyayuschego*]. Civilistics [*Tsivilistika*]. 2020. No. 5. P. 24–40.
- Shitkina I.* Property Liability of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy: Further Legislative Novelties [*Imushchestvennaya otvetstvennost' kontroliruyuschikh dolzhnika lits pri bankrotstve: ocherednye zakonodatelnye novelly*]. Economy and Law [*Khozyaistvo i pravo*]. 2017. No. 11. P. 41–61.
- Soloviev A.A.* Foreign Experience of Application of Interim Measures (by Example of Cases on Contestation of Administrative Acts) [*Zarubezhnyi opyt primeneniya obespechitelnykh mer (na primere del ob osparivanii administrativnykh aktov)*]. The Herald of Arbitrazh Court of Moscow District [*Vestnik AS Moskovskogo okruga*]. 2019. No. 4. P. 27–36.
- Ulezko A.* Bankruptcy. Liability of Controlling Persons [*Bankrotstvo. Otvetstvennost' kontroliruyuschikh lits*]. EL-Yurist [*EZh-Yurist*]. 2017. No. 36.
- Zvyagina N.S.* Problems of Institutionalisation of the Standard of Proof in the Domestic Civil Procedure [*Problemy institutsionalizatsii standarta dokazyvaniya v otechestvennom tsivilisticheskom protsesse*]. Russian Judge [*Rossiiskiy sud'ya*]. 2022. No. 9. P. 3–8.